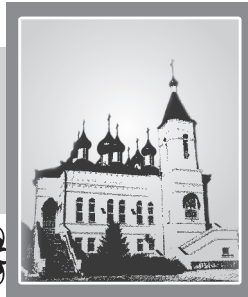

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Закон Божий с протоиереем Андреем Ткачевым. Беседа 20-я. Заповеди Божии.

Сегодня мы поговорим о заповедях Господних. Казалось бы, с заповедями всё понятно – спроси о них любого, и он ответит: «Не убий, не укради, не прелюбодействуй, не желай дома ближнего твоего...» Но тема заповедей для христиан намного шире, и заповеди для них – это не только то, что сказал Господь Моисею на горе Синай, хотя и тут не всё так просто, как кажется. 613 заповедей Господь дал через Моисея евреям, и среди них большое количество ритуальных постановлений, которые должны были дать человеку правильный образ мыслей, настроить его на богоугодные в повседневной жизни – ежесекундно.

Но мы с вами – христиане. Иисус Христос говорит: «Не любящий Меня словес Моих не соблюдает. Любящий меня заповеди Мои соблюдает» (ср.: Ин. 14, 21). И нам нужно разобраться, что же имеет в виду Господь, о каких заповедях говорит и что значит соблюдения их. Не убивать? Конечно, убивать не надо. Это прекрасная заповедь, как и заповеди не красть, не желать дома ближнего твоего, не блудить, чтить отца и мать. Это всё? Или есть еще и иные заповеди?

Со всей ответственностью говорю: заповедями Христовыми мы, христиане, должны считать всякое слово Евангелия, сказанное в повелительном наклонении. Например, Господь Иисус Христос на Тайной вечери говорит апостолам: «Примите, ядите: сие есть тело Мое... сие есть кровь Моя, Нового Завета, изливаемая во оставление грехов». Это – заповедь. И это Господь говорит всем людям. И когда Он говорит человеку, у которого умерла дочь: «Не бойся, только веруй», – мы, применяя к себе сказанное Иисусом Христом, и тут находим для себя заповедь. Тысячи страхов осаждают человеческую душу, стесняют разум, заставляют сердце биться часто, как птица в клетке... Мучают человека страхи. Причем страхи мучают больше, чем реальная опасность. В реальной опасности можно мобилизоваться, а страхи расслабляют человека. А Господь говорит: «Не бойся, только веруй» – и это заповедь. Мы и от страха все спасаемся верою.

Итак, всякое повелительное обращение Христа к людям – это, по сути, Его заповедь. «Держай, дочь. Вера твоя спасла тебя», – это заповедь. Держай, душа человеческая. Муж ты или жена, душа твоя словно дева, обрученная мужу-Христу. И потому «держай, дочь. Вера твоя спасла тебя». Давай, иди вперед, не бойся. Не бойся, только веруй.

И еще раз повторю: всякое повелительное обращение Христа к ученикам – это

Его заповедь. Через них она касается и всех. Он говорит Сам об этом: бодрствуйте и молитесь, чтобы не попасть в напасть; дух бодр, плоть немощна, а то, что вам говорю, всем говорю: «Бдите», – то есть бодрствуйте! Этот принцип: когда вам, ученикам, говорю – всем говорю: «Бдите», – касается и всех других заповедей. Вам говорю: «Примите, ядите...» – это всем говорю: «Примите и ядите». Вам говорю: «Не бойтесь», – всем говорю: «Не бойтесь. Только веруйте». Вам говорю: «Держай, дочь», – всем говорю: «Держай, дочь». «Марфо, Марфо, печешься о мнозе, едино же есть на потребу: Мария же благую часть избрала», – и это нам сказано. Это значит, что надо перенаправить свою жизнь с внешней деятельности на некие внутренние механизмы. Нужно Богу сердцем угождать. Нужно пытаться думать только о Боге и отдавать сердце только Богу. Это окажется гораздо тяжелее, чем выкопать котлован, или забить сваю, или вырыть колодец, или основать приют. Всё внешнее делается тяжело, но легче, чем если сесть и подумать о Господе.

Заповеди Господни – это всё, что Господь хочет от человека. Христос хочет от нас больше, чем требует Ветхий Закон. Христос требует сердечного служения, поклонения в Духе и истине Отцу Небесному и Ему, Христу Господу, потому что «иже не чтит Сына, не чтит Отца, пославшего Его (Сына)». Так мы выходим на некий рубеж необходимости изучения Святого Евангелия. Заповеди Господни невозможно исполнять, не зная их.

Даже заповеди Ветхого Завета невозможно исполнить, не зная их. Например, заповедь «не убий». Ну, не убивал я никого. Не нажимал на курок, не целился в человека. Не брал кирпич, не бил им по голове. Но вот я, будучи научным руководителем какого-нибудь института, присвоил себе чужую работу. А человек, у которого я его труд украл и, подписав своим именем, защитил как свою диссертацию, узнав об этом, умер от разрыва сердца. Я кто? Я – вор и убийца. Человек умер – я украл и этим его убил. Или я, например, увел чужую жену, а муж взял и повесился с горя. Я кто? Я прелюбодей и убийца. Я взял чужое и заставил человека уйти из жизни. «Не убий» – это более широкая заповедь, она говорит не только о том, что нельзя взять палку и кого-то забить ею насмерть. Как и заповедь «не укради». А можно воровать чужое имя? Нет. А чужую честь? Нет! А время можно воровать? Прийти в гости почесать языком, например? Вот я пишу что-то, но тут ко

Слово пастыря

мне приходит товарищ. Я бросаю писанину: «Ой, здравствуй! Рад, что ты пришел». Если у него совесть есть, он посидит полчаса и уйдет, но у него совести нет, у него проблема с совестью – и он сидит час, два, три... как Винни-Пух и Пятачок сидели у Кролика. Посидели еще немножко, потом еще немножко... Мысли мои там, в работе, а он, мой приятель, – здесь. Я улыбаюсь ему, а душа моя разорвана... Он ворует мои нервы и мое время. Но он не чувствует этого. Он бесчувственный вор моего времени. Скажите, что, вы не воровали никогда время ни у кого? Вы воры? Воры, конечно. Скажите, что, вы никого не убили взглядом, словом, осуждением, клеветой, пожеланием «что б ты сдох!», «что б тебя не было!»?.. Так что эти простые заповеди тоже рожают много вопросов.

Надо учиться понимать заповеди. Как можно исполнять то, что не понимаешь?! А поймешь – начнешь исполнять потихонечку. И тем более это касается заповедей Христовых. Вот учение Иисуса Христа о непротивлении наглomu злу. О том, чтобы не бороться со злом методами зла, уйти от борьбы. Христос – мастер айкидо. Уходит от прямого столкновения и побеждает врага его собственной энергией. Японцы придумали такую борьбу – айкидо. Ты не ломаешь кирпичи головой, не пробиваешь доску ладонью, а ты ловишь врага на его энергии – и он сам себя разрушает. Ты вовремя уходишь в сторону. Христос – мастер айкидо. Он говорит: «Не воюйте с идиотами – они сами погибнут. Встань в сторону, успокойся, это не твое дело. Не живи так, как они живут. Встань здесь, они там пройдут. Бизон пробежит мимо, пропусти...»

Христос учит нас состраданию, милости, терпению. Он учит нас молитве к Богу настырной. Такой настырной, как была настырна просьба вдовы к судье, который никого не боится. Вот женщина-вдовица. Она беззащитна. У нее нет ни мужа, ни сыновей, и некому ее защитить. Она пришла к судье и стучит к нему в двери с утра до вечера, так что и надоела уже ему. И он говорит: «Ладно, помогу ей!» А ведь он никого не боится, никого не стыдится. И Господь обращает наше внимание: «Видите, как оборачивается дело? Даже такой бессовестный судья помогает женщине в ее просьбе! Значит, и Бог поможет вам, если вы вопиете к Нему день и ночь».

Господь учит нас молиться день и ночь. Учит нас отдавать свое, не брать чужого. Учит нас радостям посреди скорбей. Учит нас состраданию чужому падению. Учит нас закрывать уста в нужное время. Не об-

суждать чужую грязь, не разносить ее, как мухи заразу, по миру. Он очень многому учит нас. Он мастер всех искусств боевых и окопобоевых. Он учит нас побеждать в любой войне. Он самый сильный. Лукавый уж насколько сильный, уж какие хитрые выпад острогом оружием делал лукавый против Христа в пустыне. «А ну-ка сделай камни хлебами»; «А ну-ка бросься вниз»... И как красиво, как искусный воин-фехтовальщик, Христос отразил все три выпада простыми словами: «Не хлебом единым жив человек»; «Богу поклоняйся, Ему служи»; «Не искушай Господа Бога Твоего».

Он умеет воевать, Он учит нас драться с грехом, потому что жизнь христианская – драка с грехом. Ты меня так зашел победить, а я вот так повернулся. Я тебя уже вижу. Ах, ты хочешь меня здесь подсесть? А я здесь повел себя так. Христианская жизнь – это боевое искусство. А заповеди – это приемы. Не один прием и не два и не десять, а сотни приемов. Как тренируются дзюдоисты, боксеры, каратисты, тхэквондисты, сколько там пота, крови, сколько синяков и сколько разных приемов! Евангелие – это собрание приемов для борьбы с грехом. Все эти приемы – заповеди. Тебя обзвали, а ты успокоился. Тебя вызвали на бой, а ты не пошел, потому что не воюешь с фантомами, ты не Дон Кихот, ты не воюешь с мельницами. Тебя вытаскивают на безобразный разговор, а ты: «Прости-те меня, грешного», поклонился – и у них аргументов больше нет для войны с тобой. Они замолчали, они не знают, что дальше делать, как воевать с таким нестандартно действующим человеком.

Христос учит нас воевать с грехом. Его заповеди – это приемы борьбы с грехом. Согрешил – совесть болит. Господь тебя учит: смиришь, покайся, принеси молитву, подай милостыню. Вот тебе сразу и лекарство. Совесть успокоилась, всё хорошо, дальше живем. Это всё заповеди: учишься отдавать, учишься забывать, учишься не смотреть на чужие грехи, учишься прощать. Учишься жертвовать собой, молиться учишься настырно, внимательно. Учишься думать о смерти, учишься не бояться убивающих тело, а душу убить не могущих. Это всё заповеди. Всё, что Евангелие нам возвещает, – это учение Христово, и это учение, по сути, воинский устав, некая секретная книжка тайных воинских упражнений, как можно сразиться с грехом и не проиграть, как можно от ядовитых укусов защититься и из колец змея, этого адского питона, выскользнуть, словно ты намазался маслом, чтобы он не задал. Чтобы ты выскользнул из этих удушающих объятий вездесущих беззаконий.

Окончание на обороте

Вопросы

священнику

Иногда очень трудно читать вечерние молитвы, но знаешь, что правило читать надо и делаешь это через силу.

От этого молитва сбивается, иногда приходят разные помыслы, глаза слипаются и т.п. Угодна ли Богу такая молитва? Есть ли какие-то способы борьбы со сном? Можно ли спать перед вечерними молитвами, если очень устал? Можно ли читать вечерние молитвы после 0:00 часов?

Если вы хотите молиться внимательно, но не можете, то не отступайте от молитвы и продолжайте вычитывать положенное правило: Бог примет ваши труды и со временем даст внимательную молитву. Бороться со сном не советую; лучше отдохните, а затем встаньте на молитву. В принципе не запрещено читать вечерние молитвы после полуночи, но святые советовали раньше ложиться и раньше вставать (например, преподобный Серафим Саровский).

Кто принадлежал ветхозаветной церкви? Только те, которые были обрезаны, или и другие? Имею в виду времена

после Авраама.

До Авраама обрезание было обычаем, но не законом. К Ветхозаветной Церкви принадлежали люди из всех народов, кто верил в Единого Бога и грядущего Мессию, Который должен искупить адемов грех и спасти человечество. Это был как бы краткий Символ веры. После Авраама обрезание стало законом для его потомков. При Моисее обрезание получило обязательное значение для тех, кто вступал в Ветхозаветную Церковь. К этому времени язычество распространилось по всей земле, хотя идея Единого Бога еще продолжала существовать у некоторых народов. Если можно так сказать, в продолжении около 15 веков до Р.Х. материком монотеизма (единобожия) являлась Палестина и главным носителем монотеизма – иудейский народ, а монотеизм, сохранившийся у других народов был похож на архипелаг, который все больше погружался в море. Прозелиты из различных наций, принимавшие религию Ветхого Завета, принимали вместе с тем и обрезание, как видимый знак вступления в Ветхозаветную Церковь.

Обязательно ли брать благословение на определенное кол-во Иисусовых мо-

литв в добавление к вечерним молитвам, и если этого не сделать, будет ли преуспеяние в молитве?

Церковь благословила читать Иисусову молитву и те молитвы, которые находятся в молитвословах, поэтому брать отдельное благословение в каждом случае не обязательно. Но в благословении человек получает благодать Божию, которая содействует его делу. Поэтому хороший обычай – брать благословение на Иисусову молитву, особенно для начинающих.

Если обязательно, то благословите на какое-то кол-во, или мне читать Иисусову молитву по мере сил на свое усмотрение? Хотелось бы на свое усмотрение, т.к. иногда сильно утомляюсь и даже сокращаю вечерние молитвы.

Обычно духовник назначает определенное число Иисусовых молитв, постепенно увеличивая его; а затем правилом должны стать слова апостола Павла: «Всегда молитесь, за все благодарите», – то есть надо наполнять молитвой все свое свободное время, чтобы приблизиться к непрестанной молитве.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Новости

05.08.2016.

Представитель Константинопольской Церкви опроверг слухи о ее намерении учредить свою митрополию на Украине. Константинопольский патриархат, вопреки слухам, не собирается создавать свою юрисдикцию на Украине, сообщил представитель Константинополья при Всемирном совете церквей архиепископ Телмисский Иов (Геча). Иерарх пояснил, что главная цель Константинопольского патриархата – это «единство Православной Церкви в Украине», и Патриарх Варфоломей «готов помогать врачевать церковный раскол» по недавнему примеру в Болгарской Церкви и в Церкви Чешских земель и Словакии.

09.08.2016. Делегация РПЦ возглавила на Афоне панигир в честь великомученика и целителя Пантелеимона.

10.08.2016. Католическая Церковь на Филиппинах начала акцию «Не убий» против досудебных убийств, которые совершает полиция.

11.08.2016. Российские олимпийцы молятся о победе в специально открытой для них часовне в Рио-де-Жанейро.

«Райские хутора» и другие рассказы священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в №20 (308)

Обойдя столбушок, Пучкин осветил на щит и вслух прочитал: «Лепра»... «Слышь, – спросил он меня, – а что это такое?» Я начал было объяснять, но Пучкин перебил: «А! Знаю, это – «больной поселок», он брошен, где-то рядом должен быть «здоровый поселок», и там кто-то живет: не то рыбаки, не то пастухи – не помню, но кто-то есть, мне рассказывали».

Пройдя вдоль берега, нашли мы и «здоровый поселок», тоже, впрочем, разрушенный, но одно саманное строеньеце сохраняло вполне жилой вид и оказалось населенным: только торкнулись, только отворилась нам дверь, как начались приготовления к праздничному ужину. Мы, кажется, и познакомиться с хозяином не успели, а он уж спросил:

– Барашка? Индюшка?

– Верблюд, – отвечал Пучкин, располагаясь на кошке.

– Нет верблюд, – повинился хозяин.

– Тогда уйду, – пригрозил Пучкин, но смиростивился: – Так и быть, валяй индюка.

– Зачем? – спросил я его, когда хозяин ушел. – Мы же не голодны, не съедем, да потом – столько ждать, уснем ведь.

– Уснем так уснем, – сказал Пучкин. – Если бы мы отказались, он бы до утра не отставал, все уговаривал бы.

Сделав необходимые распоряжения, хозяин вернулся с чайником и пиалами – началось... Мне уж доводилось попадать на дастархан, и я знал, что это не столько принятие пищи, сколько возделенное времяпрепровождение уважающих себя восточных мужчин: «Рай – это вечный дастархан», – объяснял как-то прежний напарник мой, профессор тутошнего университета.

Керосиновая лампа, стоявшая на полу, едва светила – друг друга-то мы, конечно, видели, но разглядеть лицо хозяйки, возникавшей время от времени из крошечной тьмы, долго не удавалось.

Выяснилось, что хозяина зовут Ложка.

– Лешка? – переспросил я.

– Нет, – и отрицательно покачал головой, – Ложка.

Было у него и другое имя – настоящее, но очень уж труднопроизносимое даже по восточным понятиям. Родители явно перестарались: в одно имя собрали все свои мечтания и надежды – натуральнейший манифест. Нынешнее же имя было по сути прозвищем. В молодости, браконьера с приятелем, они додумались окликать друг дружку не по имени, а, чтобы запутать инспектора, «секретными словами»: приятель законспирировался кличкой Вилка, а хозяин наш обозначился, соответственно, Ложкою, да так на всю жизнь Ложкою и остался.

– Мой жена зовут Анна Ивановна, – гордо сказал хозяин. – Он – русский.

Мы, понятное дело, «как» да «что»?.. Тут наступил черед водки, следом вроде бы пошел арбуз... или сначала индюшка, а потом арбуз... или все вместе... Ну да неважно, важно то, что мы разговорились с доверительностью наипервейших друзей. И Ложка поведал нам, что и Анна Ивановна, и он сам – дети прокаженных, родившиеся без признаков неисцелимой болезни. Когда здешний лепрозорий закрыли, – а закрыли его из-за того, что озеро засолилось и пресной воды не стало, – родители переехали в другой, там они и поумирали. Ложка с Анной Ивановной, попытав счастья на строительстве трубопровода и прокладке каналов, не приросли ни к какому месту и возвратились назад. Малая артелька долавливала здесь остатки рыбы, которой суждено было сгинуть в отраве, приносимой с полей. Супруги содержали и обихаживали базу этой артельки: строе-ница, лодочки, сети, погреб-ледник... Раз в неделю приезжала машина, снабжала продовольствием, водой и забирала рыбу. На зиму они перебирались к дочери – она жила с мужем в поселке газовиков.

Явились сазаны, жаренные в хлопковом масле. После сазанов Пучкин заснул: приносят суп в огромнейших пиалах, а он спит... Мы с Ложкой продолжаем возлещать, бодрствуя, хотя сознание мое уже угасает, а на пищу я даже и смотреть не могу. Помню еще фотоальбом: юный Ложка стоит возле механизма

дизельной электростанции («Моторист работал»), Ложка в солдатской гимнастерке («Москва служил: метро «Краснопресненская», потом туда, где солнышко садится»), дальше шли цветные пейзажи, вырезанные из журналов («Новгородская область – родина Анна Ивановна предки»), фотография Богородичной иконы («Анна Ивановна мама»). Я поинтересовался, кто же у нее на руках?

– Анна Ивановна брат, – спокойно отвечал Ложка. – Старший брат. Он был очень хороший и умер давно-давно. Там в комнате есть еще такие картинки: и мама, и брат...

Тут и я уснул. Среди ночи проснулся. Свет не горел, Пучкин тихо рассказывал:

– Трезвый-то он у меня – ничего, а вот как выпьет...

– А он ростом-то невысок? – спросила откуда-то Анна Ивановна.

– Очень невысок, – признал Пучкин.

– Тогда конечно, – и Анна Ивановна вздохнула. – Мелкие мужички, они всегда гоношливые.

– Да-а, – неуверенно согласился Пучкин. – Но так-то он – ничего, а вот как выпьет... Да в общем-то тоже ничего, только что выражается питиевато.

– Как? – не разобрала Анна Ивановна.

– Питиевато, – повторил Пучкин. – В том смысле, что не всякий его выпившего поймет... Например, бутылку ставит на стол и говорит: «Момент – и постамент», а разольет по стаканам, уберет пустую под стол и всегда скажет: «Момент – и монумент».

– Ну и что? – спросила хозяйка.

– А то, что не все это понять могут, иной возьмет и подумает, что здесь какая-то каверза... В общем, выпивали они да раздрались. Да друга своего он ножом и зарезал... Потом, конечно, когда протрезвел уже: мол, как я мог такое совершить?... Плакал, винулся, нет мне прощения, говорил... Восемь лет дали. Ну, я не смог в поселке-то оставаться: мы ж с отцом этого парня – зарезанного-то – вместе в депо работали. Он, правда, электрик, а я слесарь... Подался на газопровод. С тех пор здесь и болтаюсь. В отпуск к нему езжу – он в Коми республике отбывает. Не слыхали про Коми республику?... Это на Севере – очень уж там комаров много... Ложка, не спишь?

– Нет, – отозвался Ложка. Он, оказывается, находился на кошке рядом с нами, тоже полег, где ел.

– А как тебе с русской женой-то живется?

– Хорошо живется, – удивленно отвечал Ложка. – Русский жена – хороший жена, умный жена, научил меня не жить так, как другие жили...

– Это в каком смысле?

– А у нас, знаешь, приписки был, взятки был, воровать был...

Анна Ивановна не разрешил мне.

Теперь, знаешь, всех жуликов – суд... Вот директор совхоза здесь – хороший человек был: Золотая Звезда, депутат – недавно повесился... Много миллионов было – милиционеры целый день в саду банки выкапывал.

– Какие банки? – не понял Пучкин.

– Трехлитровый, с деньгами. А жена, Анна Ивановна, научил меня не делать так: мы, конечно, бедно живем, зато честные.

– Поня-атно, – задумчиво протянул Пучкин.

И тут прямо под окном завыл волк. Пока в темноте искали ружья да выбирались из дома, волк ушел. Недалеко, правда, но уже не достать было: мы сделали по удаляющемуся вою несколько выстрелов, с тем и вернулись.

– Много волк есть, много шакал, лисица, кот дикий, хищный птица орел, – перечислял Ложка.

– Они у тебя скотину-то не крадут? – спросил Пучкин.

– Какой скотина?

– Ну, барашков, индюшек, чего там у тебя еще есть?

– Остался один барашка, – сказал хозяин, – индюшка мы уже съели.

– Так у тебя по штуке всего, что ли?

– Да, по одна штука – для дорогой гости. Теперь попрошу машину еще индюшка привезти...

За краткое время нашего отсутствия Анна Ивановна успела расстелить на полу матрацы с одеялами, а сама снова исчезла: похоже, за занавесочкой был ход в маленькую комнатенку, вроде чуланчика, там хозяйка и обитала.

– Анна Ивановна! – изумился Пучкин. – Ну ты даешь! На-

стоящая восточная женщина: шуруешь-шуруешь, а на глаза не показываешься – это Ложка тебя так приучил?

– Привыкла, – донеслось из-за занавески, – да и правильно это: зачем бабе в мужскую компанию лезть? Обязательно встренешь с разговором и обязательно – невпопад, только рассердишь.

– Здорово вы устроились, – позавидовал Пучкин. – Ему – русская жена нравится, ей, понимаешь, восточный муж.

На этом, кажется, все уснули.

Утром приехали рыбаки.

– А где же они живут? – спросил я Ложку.

– Земля-земля, кругом вода, – отвечал он.

– На острове, – перевела Анна Ивановна. – Там будка есть, газовая плита, баллоны завезены... Отсюда уж больно далеко до глубоких мест, так что они живут на острове, а два-три раза в неделю, по улову смотря, привозят рыбу.

Ложка долго беседовал с рыбаками; их было двое – приветливые, улыбочивые, они наговорили нам много слов, но кроме «садам алейкум» мы ничего не поняли.

Горючего у рыбаков не оказалось – они гоняли лодку шестом, на глубине – веслами. Машина ожидалась лишь в понедельник – это Ложка сказал нам еще вчера. Оставалось надеяться на случай – вдруг заедут какие-нибудь охотники. Однако Пучкину велено было сегодня попасть домой, кроме того, с завтрашнего дня непременно начнется розыск – сколько же напрасных тревог принесем мы и пучкинскому начальнику, и приятелю моему.

– Пойдем пешком, – сказал я Пучкину. – Как-нибудь за день доберемся. Потом приедете на машине, заправите лодку, и отгонишь ее назад.

Он кивнул. И вдруг вершители наших судеб засуетились – над озером появился самолет.

– Пиши! – закричал Ложка, указывая на дорогу. – Пиши! Пиши, что случилось!

Мы оцепенели от недоумения.

– Какой у тебя участок? – спросила Пучкина Анна Ивановна.

– Сто двадцать четвертый, а что?

Схватив стоявшее у стены весло, она подбежала к дороге и принялась выводить в пыли саженные буквы: «сооб»...

Самолет кружил над озером и почти не приближался.

– Может, это нас и разыскивают? – предположил я.

– Нет, – отвечал Ложка. – Зачем вас? Птица смотрит: утка разная, гусь – кто-то охотиться будет: обком, райком, исполком – начальство...

«Сообщите 124», – написала Анна Ивановна.

Самолет пошел прямо на нас. Летел он низко, и мы видели склонившееся к стеклу лицо летчика. Развернувшись, Ан-2 сделал еще один заход со стороны озера.

«Сообщите 124 лодка полом...»

Сделав успокаивающий жест рукой, пилот повернул машину вдоль берега и над тем местом, где сидела в грязи моторка, покачал крыльями.

– Пешком не надо, – сказал нам Ложка. – Отдыхать надо, чай пить надо, дастархан надо.

Подошла хозяйка, поставила на место весло.

– Спасибо, – поблагодарили ее мы с Пучкиным.

– Чего там, – отмахнулась она, – велика радость – пятьдесят километров по пыли топтать.

Пока хозяева принимали рыбу, мы сходили к моторке и нагрузили по рюкзаку – у нас все ж и утки были, и кое-какие харчи, так что мы вполне могли сделать достойный вклад в очередное пиршество. На соляном насте прочитали следы недавней охоты. Подкараулив в камышах возвращавшегося с водопоя сайгака, волк выскочил из укрытия и обежал сайгака кругом, чтобы не позволить ему прыгнуть в сторону, а то ведь раз прыгнет – и уже не догнать. Задавил и, взвалив тушу на спину, уволок – рядом со следом волка тянулись две полосы от задних копытцев козлика.

В этот раз Анна Ивановна делила трапезу с мужской компанией: мы пригласили. Ложка не возражал. И даже вполне пороссийски опрокинула стопочку.

Потом примчалась машина. Лодку заправили, и Пучкин, приняв в подарок мешок свежей рыбы, благополучно отбыл. Мне же велено было дожидаться другого транспорта: приятель дела свои завершил, и следовало возвращаться в столицу.

Продолжение следует

П Р А В О С Л А В Н Ы Й К А Л Е Н Д А Р Ь

14 авг., вс. – Неделя 8-я по Пятидесятнице. Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня. Семи мучеников Маккавеев, матери их Соломонии и учителя их Елеазара. Обретение мощей прп. Софии Суздальской. *Начало Успенского поста.*

15 авг., пн. – Перенесение мощей св. первомученика и архидиакона Стефана и обретение мощей правв. Никодима, Гамалиила и сына его Авива. Блж. Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца. Сщмч. Стефана, папы Римского, и иже с ним.

16 авг., вт. – Прпп. Исаакия, Далмата и Фавста. Прп. Антония Римлянина, Новгородского чудотворца. Мч. Раждена перса. Прп. Космы отшельника. Сщмч. Николая пресвитера.

17 авг., ср. – Свв. семи отроков, иже во Ефесе: Максимилиана, Иамвлиха, Мартиниана, Иоанна, Дионисия, Ексакустодиана (Константина) и Антонина. Прмч. Евдокии. Обретение мощей прав. Алексия Бортсурманского. Мч. Елевферия. Прмч. Михаила, мчч. Симеона и Димитрия. Иконы Божией Матери, именуемой «Казанская-Пензенская».

18 авг., чт. – Предпразднство Преображения Господня. Мч. Евсигния. Сщмчч. Анфира и Фавия, пап Римских. Мч. Понтия Римлянина. Прав. Нонны, матери св. Григория Богослова. Прп. Иова Ушельского. Мчч. Кантидия, Кантидиана и Сивела, в Египте. Сщмч. Стефана.

19 авг., пт. – ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА.

20 авг., сб. – Попразднство Преображения Господня. Прмч. Дометия. **Обречение мощей свт. Митрофана, еп. Воронежского.** Прп. Пимена Многоболзненного, Печёрского, в Ближних пещерах. Прп. Меркурия Печёрского, еп. Смолёнского, в Ближних пещерах.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!